

УДК 343.13
DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255

НОВАЯ СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л.В. Бертовский¹, А.В. Квык²

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

² Открытый юридический институт, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 октября 2019 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения

30 апреля 2020 г.

Ключевые слова

Заключение под стражу; запрет определенных действий; залог; домашний арест; альтернативные виды мер пресечения; предварительное расследование

Аннотация. В настоящее время как в теории, так и в практике российского уголовного процесса наблюдается повышенный интерес к вопросам гуманизации применяемых мер принудительного характера, и в частности мер пресечения. Значительное количество применяемых по уголовным делам мер пресечения в виде заключения под стражу и неоднократное продление сроков его применения, в том числе по однотипным основаниям, обоснованно критикуются как в российской уголовно-процессуальной сфере, так и Европейским судом по правам человека при рассмотрении конкретных жалоб. Проанализированные статистические сведения показали, что в 2015 г. по уголовным делам о совершении тяжких и особо тяжких преступлений к каждому второму подозреваемому или обвиняемому применялась мера пресечения в виде заключения под стражу. Это не могло не способствовать развитию системы альтернативных заключению под стражу мер пресечения и появлению их новых видов. В статье авторы анализируют изменение строгой иерархической последовательности системы мер пресечения ввиду принятия федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, изменившего порядок применения мер пресечения в виде домашнего ареста и залога и закрепившего совершенно новую для российского уголовного процесса меру пресечения в виде запрета определенных действий. Большое разнообразие запретительных мер, применяемых в рамках запрета определенных действий, и возможность их установления вместе с залогом создали парадоксальную для российского уголовного процесса ситуацию, при которой применение более мягкой, согласно иерархической структуре, меры пресечения в виде запрета определенных действий может более серьезно ограничить права и свободы лица, нежели в рамках залога, являющегося более строгой мерой пресечения. Кроме того, закрепление законодателем сущности домашнего ареста в виде полной изоляции лица от общества и запрета определенных действий как меры частичной изоляции создало конкуренцию между данными мерами пресечения при их применении на практике. Нами приведены убедительные доводы в пользу невозможности обеспечения полной изоляции лица от общества без помещения его в условия следственного изолятора, что фактически позволяет приравнять условия содержания под домашним арестом с запретом на выход из жилого помещения в определенный период в рамках запрета определенных действий. Несмотря на наличие значимых вопросов применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, следует отдать должное работе законодателя в части развития системы данных видов мер пресечения, практика применения которых, безусловно, позволит устранить имеющуюся конкуренцию, а также решить отдельные проблемы их избрания и применения.

A NEW SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES ALTERNATIVE TO REMAND IN CUSTODY: FIRST RESULTS OF APPLICATION, DEVELOPMENT PROSPECTS

Lev V. Bertovskij¹, Aleksandr V. Kvyk²

¹ People's Friendship University of Russia, Moscow, the Russian Federation

² Public Law Institute, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2019 October 25

Abstract. We currently witness a heightened interest for the humanization of penalization measures, specifically, preventive measures, both in the theory and practice of Russian criminal procedure. There is well-grounded criticism of the fact that the

Accepted

2020 April 8

Available online

2020 April 30

Keywords

Detention; prohibition of certain actions; bail; house arrest; alternative preventive measures; preliminary investigation

number of remands in custody used as preventive measures is high and that their terms are prolonged many times, and on similar grounds, both in the Russian criminal procedure sphere and in the European Court of Human Rights during the examination of specific complaints. The analyzed statistical information showed that in 2015, remand in custody as a preventive measure in the criminal cases of grave and especially grave crimes was used for every second suspect or accused. It could not but contribute to the development of a system of preventive measures alternative to detention, and to the emergence of its new types. The authors analyze changes in the strict hierarchical system of preventive measures in view of Federal Law № 72-ФЗ enacted on April 18, 2018, which changed the procedure of applying the preventing measures of house arrest and bail and provided a measure that is completely new for Russian criminal process — the prohibition of certain actions. A considerable variety of restrictive measures included in the prohibition of certain actions, and the possibility of applying them in combination with a bail created a situation paradoxical for Russian criminal process when the application of a measure of prohibition of certain actions, that is a milder one in the hierarchy of restrictive actions, may restrict the rights and liberties of a person to a greater degree than a bail, which is a stricter measure. Besides, the legislative definition of the essence of house arrest as complete isolation of a person from the society and the prohibition of certain actions as partial isolation has created a competition between these preventive measures when they are enforced in practice. The authors present convincing arguments to show that it is impossible to ensure complete isolation of a person from the society without placing that person in the pre-trial detention facility, which makes it possible to equal house arrest with a prohibition to leave a dwelling in a certain period within the framework of prohibiting certain actions. Although there are some questions regarding the application of preventive measures alternative to remand in custody, we should commend the efforts of lawmakers to develop a system of these measures, and the practice of their enforcement will certainly allow to eliminate the existing competition and solve specific problems of their selection and application.

Вопрос о видах применяемых по уголовным делам мер пресечения традиционно считается одним из дискуссионных вопросов науки уголовного процесса. Будучи неизбежно связанным с конституционными правами человека, он требует своего разрешения в виде наличия баланса между степенью их ограничения и созданием условий для осуществления эффективного уголовного преследования и реализации прав потерпевших.

Необходимость решения данного вопроса, безусловно, продиктована и практикой применения мер пресечения. С 2010 по 2015 г. с ходатайством следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды согласились в 148 689 случаях, в 2011 г. — в 135 850, в 2012 г. — в 132 923, в 2013 г. — в 133 311, в 2014 г. — в 133 755 и в 2015 г. — в 140 457 случаях¹, а доля удовлетворенных ходатайств от общего числа заявленных составила от 89,35 до 91,05 %. Остальную долю, примерно в 10 %, образуют решения судов об отказе в избрании данной меры пресечения и решения об избрании альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения.

¹ Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2010–2015 гг. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). URL: <http://www.cdep.ru>.

Из анализа количества всех зарегистрированных и раскрытых за указанный период тяжких и особо тяжких преступлений, при расследовании которых подозреваемые или обвиняемые наиболее часто заключаются под стражу, следует вывод, что при неуклонном его снижении (в 2010 г. — 362 648, в 2011 г. — 323 419, в 2012 г. — 303 525, в 2013 г. — 288 905, в 2014 г. — 265 129 и в 2015 г. — 261 429 преступлений²) пропорциональное количество заключенных под стражу лиц по данным категориям преступлений постоянно возрастает. Если в 2010 г. их число в соотношении с количеством раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений составляло 41,0 %, то в 2015 г. данный показатель уже достиг 53,7 %. То есть по состоянию на 2015 г. каждый второй человек при подозрении или обвинении в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления был заключен под стражу.

Данная негативная тенденция с неизбежностью поставила вопрос об обоснованности таких высоких показателей применения судами наиболее строгой меры пресечения и о поиске альтернатив ей, что нашло отражение в многочисленных трудах [1–4].

² Состояние преступности за январь — декабрь 2010–2015 гг. URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

J. Junger-Tas в своем исследовании, анализируя увеличившееся по состоянию на 1994 г. количество содержащихся под стражей лиц в США, Австралии, Новой Зеландии, Англии, Шотландии, Швеции, Финляндии, Норвегии, Австрии и Франции, уже в то время указывал на необходимость поиска альтернатив тюремному заключению и расширения практики применения залога [5].

D.A. Dabney, J. Page и V. Topalli, обосновывая ту же позицию, приводят статистические сведения, согласно которым в США число содержащихся под стражей лиц, составлявшее в 1980 г. 139 чел. на 100 тыс. населения, к 2010 г. выросло до 500 чел. Это 0,5 % всего населения. Такие высокие показатели негативным образом повлияли на большую часть бюджетов штатов и создали угрозу устойчивости других социальных институтов, в том числе образовательных [6, p. 397].

D. Radulović, оценивая негативное воздействие на человека содержание его под стражей, применил выражение *criminal contagion*, что переводится как «криминальная зараза». Свое мнение он обосновывает тем, что нахождение лица в преступной среде, среди лиц, совершивших общеуголовные преступления различной направленности, в дальнейшем будет только способствовать криминальному становлению личности, а не ее исправлению [7, p. 14].

В России данный вопрос вызвал интерес уже после появления современного уголовно-процессуального законодательства и анализа первых результатов его применения.

Одно из первых официальных заявлений о необходимости экономии мер процессуального принуждения и смягчения применяемых в уголовном судопроизводстве мер пресечения было сформулировано в 2009 г. в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию³. В итоге в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации появилась новая мера пресечения в виде запрета определенных действий⁴, существенно преобразившая существовавшую в российском законодательстве модель системы мер пресечения.

³ Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 нояб.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Будучи закрепленными в УПК РФ с 2001 г., семь из них являлись традиционными для российского уголовного процесса и в том или ином виде ранее находили свое практическое применение, сохранив свое индивидуальное сущностное значение.

В классическом понимании закрепленные ст. 98 УПК РФ виды мер пресечения, имея самостоятельный характер и содержание, применяются в отношении подозреваемого или обвиняемого исключительно автономно, а избрание в отношении одного лица одновременно нескольких мер пресечения не допускается.

Такая модель, условно называемая российской, представляет собой разновидность существующего континентального подхода и значительно отличается от «французского» варианта, предполагающего наличие, помимо меры пресечения в виде заключения под стражу, возможности судебного контроля [8, с. 612], включающего комплекс иных мер ограничительного воздействия как имущественного, так и личного характера.

Так, в рамках судебного контроля ст. 138 УПК Франции предусматривается возможность установления ограничений на покидание определенной территории, запретов на посещение конкретных мест и на занятие отдельными видами деятельности, обязанности пройти курс лечения, воздержаться от контактов с определенными лицами и др. Внесение залога также выделено среди мер судебного контроля (п. 11 ст. 138), однако дополнительно регулируется ст. 142–142-3⁵.

С принятием федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ система мер пресечения потеряла свою стройность и однозначное иерархическое построение. Причиной этого стало законодательное закрепление ранее неизвестной российскому законодателю меры пресечения в виде запрета определенных действий, установить однозначное место которой в системе мер пресечения представилось затруднительным.

Так, согласно первоначальной редакции проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» (далее — проект закона) от 13 октября 2015 г.,

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс (Code de procédure pénale) Французской Республики 1808 г. (с изм. и доп. на 2 марта 2015 г.). URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/fr/fr443fr-part2.pdf>.

мера пресечения в виде запрета определенных действий была закреплена в ст. 106.1 «Запрет определенных действий»⁶, что обуславливало ее большую строгость по сравнению с залогом и меньшую — по сравнению с домашним арестом. В окончательной же редакции проекта закона указанной мере пресечения было присвоено номерное постатейное значение 105.1, что определило ее меньшую строгость по сравнению с залогом.

Таким образом, в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: по норме закона подозреваемый или обвиняемый, к которому применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, предусматривающая ограничение на его выход в определенные периоды за пределы жилого помещения, находится в более лояльных условиях, чем лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде денежного залога.

Полагаем, что исходя из положений ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, предусматривающей в числе одной из первых гарантий для любого человека право на свободу и личную неприкосновенность, ограничение личных прав ни при каких обстоятельствах не может признаваться менее существенным, чем ограничение прав имущественных.

Содержательное значение новой меры пресечения в виде запрета определенных действий также весьма разнообразно. Основной (базовый) состав запретительных мер, закрепленных в ч. 6 ст. 105 УПК РФ, ранее применялся в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, однако некоторые из предусмотренных запретов, такие как ограничение на нахождение в определенных местах, ближе конкретного расстояния до установленного судебным решением объекта либо посещение конкретных мероприятий и участие в них, а также на управление транспортным средством, в том числе автомобилем, являются совершенно новыми для российского уголовного процесса.

Следует отметить, что, согласно проекту закона от 13 октября 2015 г., перечень запретительных мер, налагаемых на подозреваемого или обвиняемого, был сформулирован по откры-

тому типу и позволял судье запретить «совершение иных действий, не связанных с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в части первой статьи 97 настоящего Кодекса»⁷, однако в окончательной редакции открытый перечень запретительных мер был изменен на исчерпывающий закрытый тип.

Считаем, что законодательное закрепление такого запрета на совершение иных действий могло положительно сказаться на развитии новой меры пресечения и ее востребованности у правоприменителей, поскольку такая формулировка в большей степени способствует индивидуализации данной меры пресечения применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела.

Однако большее влияние на иерархическое построение системы мер пресечения оказали изменения, внесенные в УПК РФ федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в части, относящейся к залогом. С указанного времени суды на основании ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ при его избрании получили право дополнительно налагать на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, установленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Таким образом, залог в его традиционном понимании исключительно имущественного содержания характера перестал существовать. Вместо этого российский уголовный процесс получил меру пресечения в виде залога без дополнительных запретительных мер и залога с наличием таковых.

Думаем, что именно наличие такого вида залога и обусловило его иерархическое закрепление в системе мер пресечения на более высоком уровне, чем запрет определенных действий. Вместе с тем следует признать, что условия применения залога с установленным запретом на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет будут более лояльными, чем условия соблюдения лицом запрета на выход в определенные периоды за пределы жилого помещения.

При таких обстоятельствах в зависимости от конкретного судебного решения иерархическая строгость мер пресечения в виде запрета определенных действий и залога с установленными

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : проект федер. закона № 900722-6. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/900722-6>.

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : проект федер. закона № 900722-6.

запретительными мерами может варьироваться, что еще раз подтверждает наше суждение о плавающей иерархической системе мер пресечения.

Возвращаясь к вопросу о появлении видов залога без возложения на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению запретов и с таковыми, нельзя не отметить и появление в связи с этим дополнительных видов залога по основанию необходимости установления срока его применения.

Так, при возложении запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, на выход в определенные периоды за пределы жилого помещения, согласно ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ, установление срока применения залога является обязательным. Срок применения залога с таким видом запрета исходя из положений ч. 8.1 ст. 106, ч. 9, 10 ст. 105.1, ст. 109 УПК РФ устанавливается в пределах двух месяцев и может быть продлен по правилам ст. 109 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести до 12 месяцев, о тяжких преступлениях — до 24 месяцев, об особо тяжких преступлениях — до 36 месяцев. В случае возложения при избрании залога иных запретов, предусмотренных пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, данная мера пресечения по общему правилу применяется до ее отмены или изменения.

Таким образом, в настоящее время в системе мер пресечения наблюдается увеличение внимания законодателя к альтернативным заключению под стражу мерам пресечения, которых в настоящее время можно выделить четыре вида: запрет определенных действий; залог; залог с возложением на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению запретов определенных действий; домашний арест.

Такой подход, по нашему мнению, связан со сформулированным в 2009 г. Президентом Российской Федерации курсом на экономию мер процессуального принуждения и смягчение применяемых в уголовном судопроизводстве мер пресечения, о необходимости следования которому неоднократно заявляли на самых различных политических площадках⁸, вследствие

⁸Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации; Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании коллегии Генпрокуратуры России от 19 марта 2019 г. URL: <http://kremlin.ru>; Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Борисом Титовым. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60583>.

чего он нашел непосредственное воплощение в законотворческой деятельности.

В законодательстве Соединенных Штатов Америки система применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения строится на положении, согласно которому каждый арестованный имеет право на проведение в течение 48 ч судебного слушания на предмет наличия веских оснований подозревать его в совершении преступления⁹. Как указывают М. Stevenson и S.G. Mayson, как правило, такое слушание сочетается с проведением слушания (в том числе посредством видео-конференц-связи) об освобождении под залог, которое зачастую длится всего несколько минут [9].

A. Gupta, C. Hansman и E. French отмечают, что по результатам слушания судья вправе вынести следующие решения:

– Release on Recognizance (ROR), что означает освобождение под подписку о невыезде, согласно которой арестованный обязуется являться по вызовам (прообраз российской меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении);

– Non-Monetary Conditions — нематериальные условия освобождения, заключающиеся в возложении на арестованного ограничений на совершение каких-либо действий (о подобных мерах контроля мы упоминали в более ранних работах [10]);

– Unsecured Monetary Condition — письменное обязательство о финансовой ответственности в случае неявки (сходное с вексельными обязательствами);

– Secured Monetary Condition — залог, вносимый самостоятельно или через поручителя;

– No Bail — отказ в освобождении, подразумевающий содержание под стражей до судебного разбирательства [11, р. 7].

Как видно из изложенного, в законодательстве США освобождение под залог — это гораздо больший по своему содержанию механизм, чем разновидность меры пресечения в виде залога по российскому аналогу.

В 2015 г. авторы проекта закона И.Е. Костунов и Л.К. Шойгу в пояснительной записке, обосновывая необходимость выделения дополнительных альтернативных заключению под стражу мер пресечения, привели статистические сведения, согласно которым за период с 2010 по 2014 г. доля удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста от общего числа

⁹Gerstein v. Pugh, 420 U.S. 103, 126 (1975). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/420/103>.

удовлетворенных судом ходатайств об избрании мер пресечения составила 0,42 и 2,43 %¹⁰, 97,15 % пришлось на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Безусловно, такие показатели не могут свидетельствовать о наличии в российском уголовном процессе действительно развитой альтернативы самой строгой из применяемых мер пресечения в виде заключения под стражу.

Если обратиться к статистическим сведениям о применении в 2015–2018 гг. альтернативных заключению под стражу мер пресечения, можно отследить их реальную востребованность у правоприменителя.

Так, в 2015 г. российскими судами удовлетворено 4 678 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и 189 ходатайств об избрании залога, в 2016 г. — 6 056 и 229 соответственно, в 2017 г. — 6 442 и 133, в 2018 г. — 6 329 и 108. Кроме того, в 2018 г. судами удовлетворено 301 ходатайство следственных органов об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий¹¹ (рис. 1, 2).

¹⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : проект федер. закона № 900722-6.

¹¹ Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев

По собственной инициативе при отказе в удовлетворении ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и ходатайств о продлении срока содержания под стражей судами в 2015 г. принято 4 058 решений об избрании домашнего ареста и 303 решения об избрании залога, в 2016 г. — 5 135 и 309 решений соответственно, в 2017 г. — 5 811 и 276, в 2018 г. — 5 675 и 206¹² (рис. 3).

Ходатайства же следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу были удовлетворены судами в гораздо большей степени. Так, в 2015 г. суды вынесли 140 457 таких решений, в 2016 г. — 121 796, в 2017 г. — 113 260 и в 2018 г. — 102 165¹³.

Таким образом, с 2015 по 2018 г. удельный вес удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста в общем числе судебных решений об

2015–2018 гг. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). URL: <http://www.cdep.ru>.

¹² Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015–2018 гг. Раздел 9. Сведения о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Раздел 10. Сведения о рассмотрении судами ходатайств о продлении срока содержания под стражей. URL: <http://www.cdep.ru>.

¹³ Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015–2018 гг. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц).

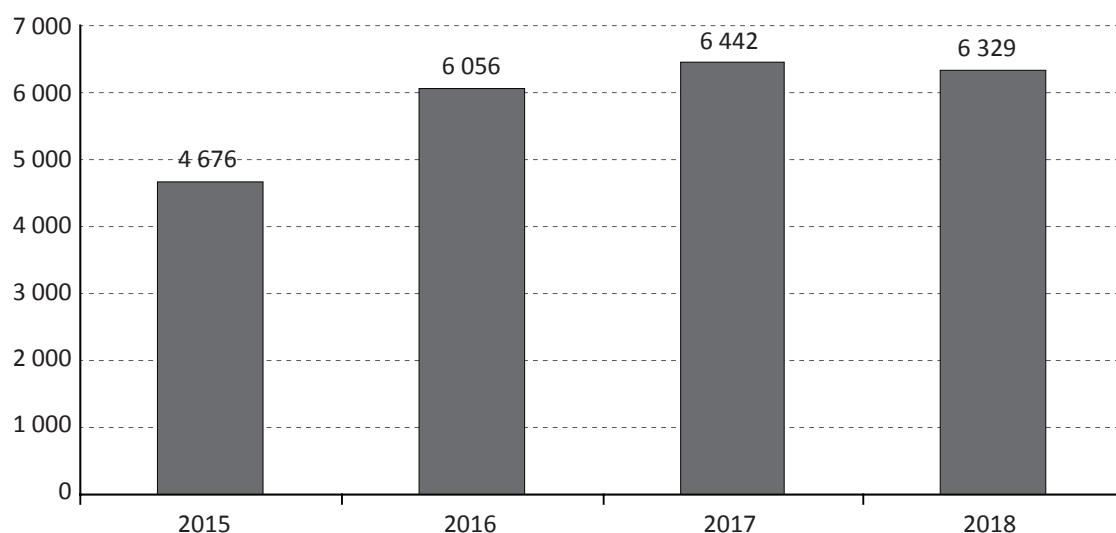

Рис. 1. Динамика количества решений об избрании домашнего ареста по инициативе органов предварительного расследования в России за период с 2015 по 2018 г.

Fig. 1. Dynamics of the number of decisions on house arrest initiated by the preliminary investigation bodies in Russia in 2015–2018

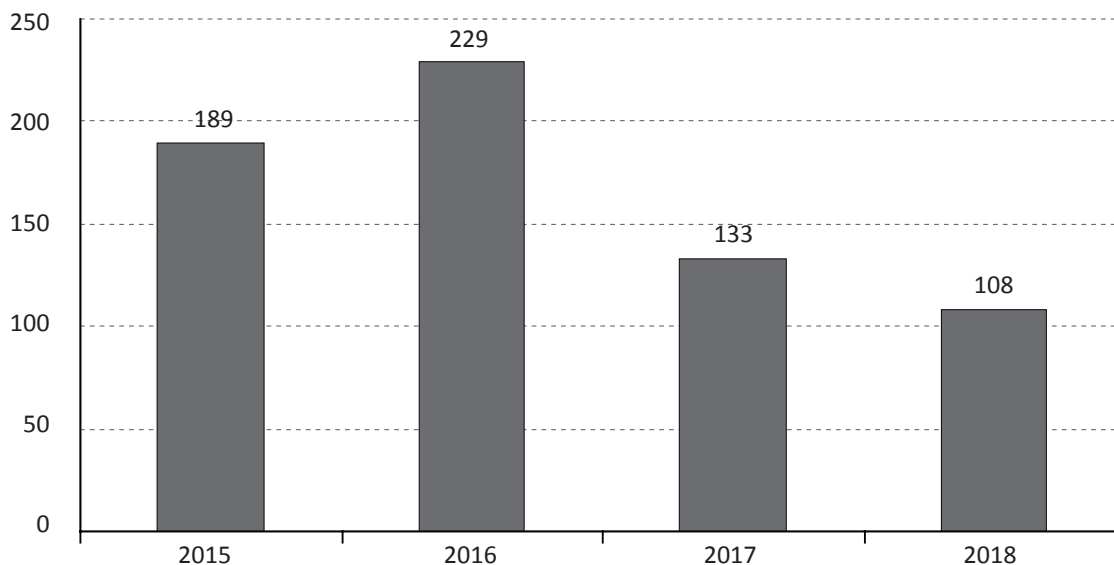

Рис. 2. Динамика количества решений об избрании залога по инициативе органов предварительного расследования в России в период с 2015 по 2018 г.

Fig. 2. Dynamics of the number of decisions on bail initiated by the preliminary investigation bodies in Russia in 2015–2018

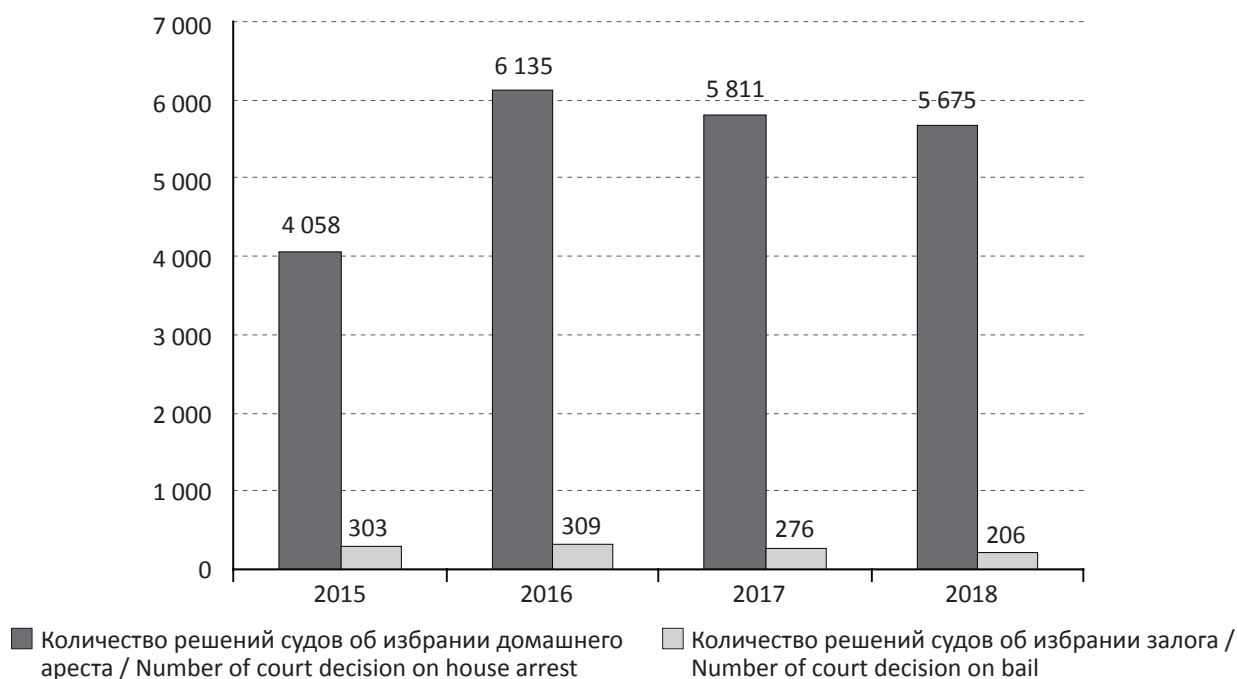

Рис. 3. Динамика количества решений судов об избрании мер пресечения по собственной инициативе при отказе в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу и продлении сроков ее применения в России за период с 2015 по 2018 г.

Fig. 3. Dynamics of the number of court decisions on preventive measures initiated by the courts themselves after refusing to satisfy petitions for remand in custody and extension of its term, in Russia in 2015–2018

избрании мер пресечения составил 0,33 и 8,43 % соответственно, что в совокупности выше показателей 2010–2014 гг. (0,42 и 2,43 %). Однако по-

прежнему нельзя признать наличие в российской уголовно-процессуальной практике действенной альтернативы заключению под стражу.

Анализируя те же статистические данные, А.А. Давлетов и Н.Н. Азаренок объясняют такой высокий процент удовлетворенных судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «отсутствием прямых нормативных требований, обязывающих суд проверять обоснованность уголовно-правовой квалификации деяния» [12, с. 60].

Следует согласиться с мнением названных авторов с оговоркой о том, что уголовно-правовая квалификация является одной из составляющих принятия судами решения об избрании меры пресечения.

На это указывает и Конституционный Суд Российской Федерации, в абзаце 3 п. 3 своего определения отражая, что «обвинение в совершении преступлений небольшой или средней тяжести (за которые уголовный закон предусматривает более мягкие наказания, чем за тяжкие и особо тяжкие преступления) создает «достаточно сильную презумпцию» добросовестного поведения подсудимого...»¹⁴.

Об этом говорит и Ю.Б. Плоткина, отмечая, что «тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья... составляют те фактические данные, на основании которых следователь, дознаватель, суд может сделать вывод о надлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого, т.е. о наличии основания для применения меры пресечения» [13, с. 8].

Статистические данные также свидетельствуют о том, что суды более охотно удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования по уголовным делам о наиболее тяжких преступлениях.

Так, применительно к самой строгой мере пресечения в виде заключения под стражу статистические показатели выглядят следующим образом. В 2018 г. судами рассмотрено 29 769 указанных ходатайств по делам об особо тяжких преступлениях, из которых удовлетворено 28 298, что составляет 95,06 %; по делам о тяжких преступлениях рассмотрено 50 511 ходатайств и удовлетворено 45 114 (89,32 %); по делам о преступлениях средней тяжести эти показатели составили 27 660 и 24 286 (87,80 %)

соответственно; по делам о преступлениях небольшой тяжести — 5 200 и 4 466 (85,89 %) ¹⁵.

Проведенный нами анализ результатов анкетирования судей показывает, что 38,46 % из них не рассматривают, но учитывают тяжесть совершенного преступления при избрании конкретной меры пресечения, 61,54 % прямо высказались о тяжести инкриминируемого деяния как об одном из оснований для избрания меры пресечения.

Относительно проявления инициативы суда в избрании конкретных видов мер пресечения примечательно то, что количественные показатели применения судами альтернативных заключению под стражу мер пресечения по собственной инициативе являются сравнимыми с количеством решений, принятых судами по инициативе органов предварительного расследования, а в 2016 г. — и более высокими.

Так, в 2015 г. судом удовлетворено 4 865 ходатайств органов предварительного расследования об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения против 4 361 решения, принятого по собственной инициативе, в 2016 г. — 6 285 против 6 444 решений, в 2017 г. — 6 575 и 6 087 решений и в 2018 г. — 6 437 решений против 5 881 (рис. 4).

По нашему мнению, такие высокие показатели иной оценки судами оснований и условий избрания мер пресечения, а также отказа в избрании наиболее строгой из них в виде заключения под стражу и продления сроков ее применения говорят о том, что должностные лица органов предварительного расследования зачастую используют в качестве «процессуального рычага» возможность заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу для их склонения к сотрудничеству и получения показаний об обстоятельствах уголовного дела.

Сформулированный нами вывод не только основан на статистических показателях, он неоднократно обсуждался на самом высоком уровне с точки зрения нецелесообразности применения меры пресечения в виде заключения под стражу по делам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, что нашло свое отражение в соответствующих изменениях действующего законодательства.

¹⁴ По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 1002-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. Раздел 9. Сведения о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. URL: <http://www.cdep.ru>.

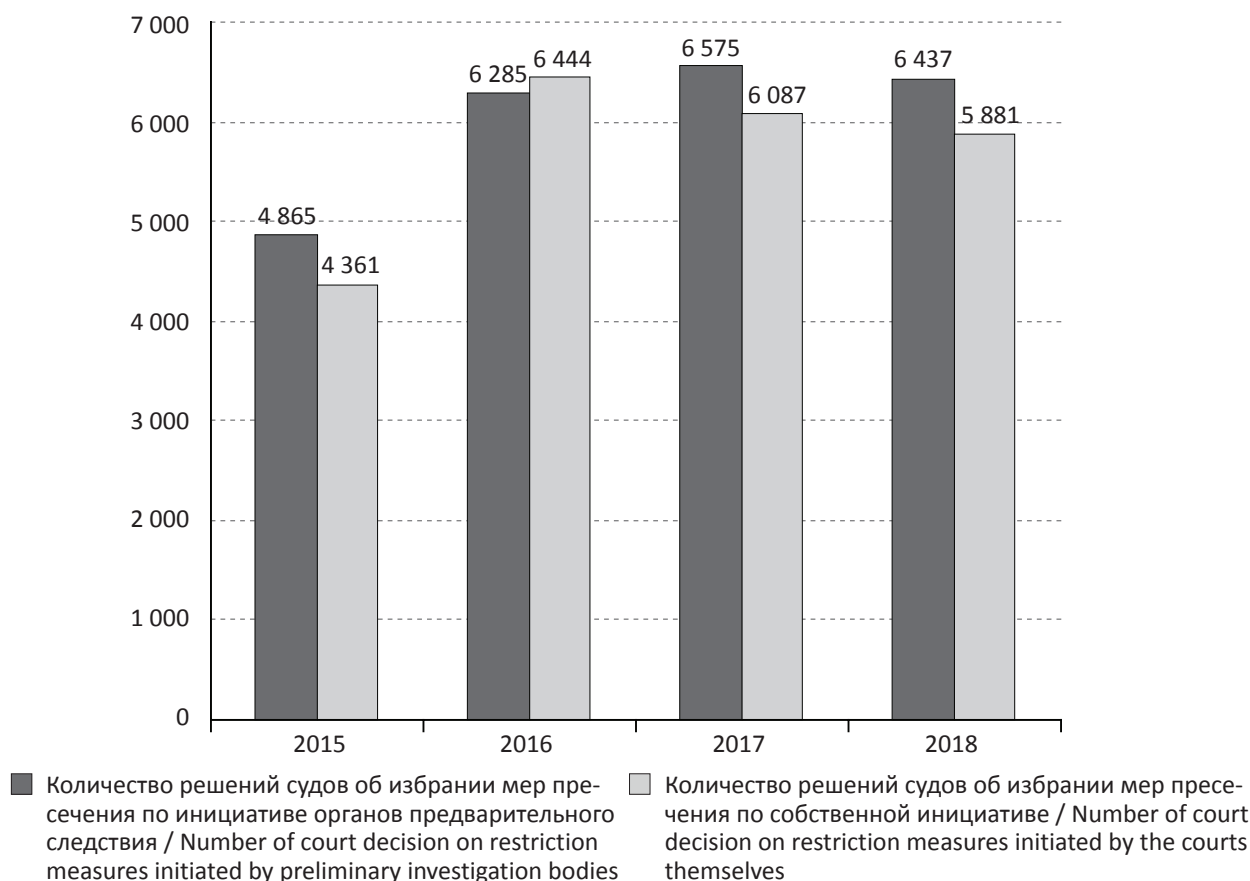

Рис. 4. Динамика количества решений об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения по инициативе органов предварительного расследования и по инициативе суда за период с 2015 по 2018 г.

Fig. 4. Dynamics of the number of decisions on restriction measures alternative to remand in custody initiated by preliminary investigation bodies and courts in 2015–2018

Первым нормативным правовым актом, прямо запретившим применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, при отсутствии исключительных обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, является Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ¹⁶.

Как указывает Л.В. Головкин, такое решение «выглядело как незамедлительная реакция законодателя на знаменитое и наделавшее немало шума в СМИ дело С. Магнитского, обвиненного в

соучастии в налоговом преступлении, который скончался в СИЗО в ноябре 2009 г.» [14, с. 36].

Через непродолжительное время перечень категорий преступлений, по подозрению или обвинению в совершении которых запрещалось заключать под стражу, был расширен. В него были включены ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, кроме того, был введен запрет на избрание указанной меры пресечения за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности¹⁷.

¹⁶ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2009 г. № 383-ФЗ // Российская газета. 2009. 31 дек.

¹⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 апр. 2010 г. № 60-ФЗ // Российская газета. 2010. 9 апр. ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ // Там же. 2012. 3 дек. ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

В этой связи А.О. Зайцев отмечает, что национальная система применения правовых стандартов в сфере избрания мер пресечения в отношении предпринимателей не ниже, а иногда и выше, чем в европейских странах [15, с. 25].

Вместе с тем в Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей за 2015–2016 гг. обращается внимание на то, что «в ряде случаев органы предварительного расследования при заявлении ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении указанных преступлений о заключении их под стражу не обосновывали вывод о том, что эти преступления не относятся к сфере предпринимательской деятельности, а судами указанный вопрос не изучался даже при наличии доводов, приведенных стороной защиты. По отдельным делам это влекло не только необоснованное заключение под стражу лица, в отношении которого не может быть применена такая мера пресечения, но и продление срока содержания его под стражей» (п. 1.5)¹⁸.

Эти вопросы являются предметом ежегодного обсуждения на встречах Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации Бориса Титова с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, последняя из которых состоялась 27 мая 2019 г. Б. Титовым названы негативные последствия для бизнеса в случае применения к руководителям организаций наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно проведенному социологическому опросу, в 54 % случаев это влекло невозможность осуществления деятельности и последующую ликвидацию предприятия. Глава государства выразил согласие с тем, что необходимо выработать действенные инструменты для эффективного расследова-

ния уголовного дела, и указал на недопущение прекращения деятельности предприятия. Также В.В. Путин подчеркнул необходимость продолжения работы, направленной на развитие практики применения по таким уголовным делам меры пресечения в виде залога, указав на обязательное соразмерное соотношение суммы залога и размера причиненного по уголовному делу материального ущерба¹⁹. Формулы определения размера залога в зависимости от возраста, расовой и половой принадлежности, попытки сокрытия при задержании и др. предлагают даже зарубежные авторы [11, р. 10–14].

Мы позволим себе не согласиться с мнением специалистов, полагающих, что в России с появлением мер пресечения в виде домашнего ареста, «трансформированного» залога и запрета определенных действий сформировалась полноценная альтернатива заключению под стражу [16, с. 4; 17, с. 26]. Статистические показатели их применения говорят нам только о робких шагах к созданию такой альтернативы, а ее действительное существование может быть продемонстрировано только широкой практикой применения данных мер пресечения и значительным снижением количества содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Развитие данной альтернативы должно характеризоваться качественными показателями, а не количественными, когда уже имеющиеся меры пресечения дополняются их аналогами. В данном аспекте мы говорим о соотношении содержательной составляющей новой меры пресечения в виде запрета определенных действий с условиями домашнего ареста.

Если до принятия федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест определялся как полная либо частичная изоляция от общества, то с появлением меры пресечения в виде запрета определенных действий домашний арест трактуется как изоляция от общества. При этом, согласно ч. 7 ст. 107 УПК РФ, в рамках домашнего ареста возможно установление запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Данное положение подразумевает, что первые два запрета, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (на выход за пределы жилого помещения и на посещение определенных мест и мероприя-

и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Там же. 2016. 8 июля ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ // Там же. 2017. 4 авг.

¹⁸ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 18 янв. 2017 г. URL: <http://www.vsrfr.ru>.

¹⁹ Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Борисом Титовым. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60583>.

тий), уже входят в содержательную составляющую домашнего ареста.

Таким образом, законодатель разделил домашний арест, подразумевая под ним полную изоляцию лица от общества, и запрет определенных действий, где возможно применить меры частичной изоляции.

Д.А. Воронов, рассматривая данный вопрос, утверждает, что домашний арест не должен предполагать какую-либо возможность выхода лица за пределы жилища, в котором исполняется мера пресечения [18, с. 21–24]. А.С. Александров также понимает домашний арест как непосредственное ограничение права на физическую свободу, при которой лицо изолируется от общества и от общения с неопределенным кругом лиц [19, с. 83]. Однако, как мы указывали в своих работах, на практике добиться полной изоляции лица от общества без помещения его в условия следственного изолятора практически невозможно [20, с. 37].

Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что при избрании домашнего ареста суды неоднократно устанавливали подозреваемому (обвиняемому) ежедневное время для прогулки в течение часа²⁰ либо двух²¹.

Ряд судебных решений допускал выход из места содержания под домашним арестом в связи с иной необходимостью. Так, постановлением Кировского районного суда Приморского края от 12 февраля 2015 г. подозреваемой Б. разрешен ежедневный выход «в период с 12 до 14 часов из своего жилого помещения в магазин для приобретения продуктов питания и посещения один

раз в неделю по пятницам в период с 06 часов до 19 часов ее больной матери П.», постановлением того же суда от 18 ноября 2015 г. подозреваемому К. разрешено посещение «два раза в неделю по вторникам и пятницам в период с 11 часов до 13 часов его больного брата К.»²², постановлением Михайловского районного суда Приморского края от 12 января 2016 г. подозреваемой Б. разрешено «ежедневно посещать магазины в пределах с. Ширяевка Михайловского района Приморского края для приобретения продуктов питания и средств личной гигиены»²³, постановлением Бийского городского суда Алтайского края от 22 марта 2017 г. обвиняемому К. запрещено покидать жилище, за исключением случаев «посещения МБОУ СОШ № 5 г. Бийска во время учебных занятий»²⁴, постановлением Лазовского районного суда Приморского края от 9 сентября 2017 г. подозреваемой Г. разрешено «осуществлять уход за больной матерью... ежедневно в период времени с 11 час 00 мин до 12 час 00 мин и с 17 час 00 мин до 18 час 00 мин, а также посещать ближайший к месту содержания под домашним арестом торговый магазин, расположенный по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, д. 19, аптечный пункт, расположенный по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, д. 16, и аптеку, расположенную по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, 18, в случае необходимости ежедневно, по согласованию времени посещения с органом, исполняющим настоящее постановление, в том числе с использованием для этих целей личного автомобиля»²⁵.

В иных случаях вопросы выхода из жилого помещения для осуществления прогулок или приобретения продуктов питания решались стороной защиты по согласованию со следователем, ведущим производство по уголовному делу, в каждом конкретном случае.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования следователей территориальных органов Следственного комитета Российской Федерации, 36,4 % из них полагают возможным видоизменять своим решением условия содержания подозреваемых или обвиняемых под до-

²⁰ Уголовное дело № 463912 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. ; Уголовное дело № 315329 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2015 г. ; Уголовное дело № 712321 // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2015 г. ; Уголовное дело № 350422 // Там же ; Уголовное дело № 766637 // Архив Шкотовского районного суда Приморского края за 2016 г. ; Уголовное дело № 11702050018000029 // Архив Партизанского городского суда Приморского края за 2017 г.

²¹ Уголовное дело № 531712 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. ; Уголовное дело № 315329 // Архив Ленинского районного суда за 2015 г. ; Уголовное дело № 131631 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока за 2016 г. ; Уголовное дело № 931329 // Архив Уссурийского городского суда Приморского края за 2016 г. ; Уголовное дело № 11702050018000004 // Архив Лазовского районного суда Приморского края за 2017 г. ; Уголовное дело № 11702050011000081 // Архив Яковлевского районного суда Приморского края за 2017 г.

²² Уголовное дело № 549507 // Архив Кировского районного суда Приморского края за 2015 г. ; Уголовное дело № 580807 // Там же.

²³ Уголовное дело № 848814 // Архив Михайловского районного суда Приморского края за 2016 г.

²⁴ Уголовное дело № 666295 // Архив Бийского городского суда Алтайского края за 2017 г.

²⁵ Уголовное дело № 11702050018000094 // Архив Лазовского районного суда Приморского края за 2017 г.

машним арестом на более лояльные (предоставление дополнительных прогулок, возможность выезда для прохождения медицинских обследований в другой город и др.) с обязательным уведомлением об этом уполномоченных сотрудников территориальных органов ФСИН России.

Все сказанное убедительно доказывает, что полная изоляция лица от общества в рамках домашнего ареста невозможна, поскольку обратное нарушало бы естественные права лица на охрану здоровья и принцип уважения чести и достоинства, закрепленный в ст. 9 УПК РФ. А предоставление возможности выхода в рамках домашнего ареста на работу, учебу или для прогулок, как неоднократно отмечено в периодической литературе [17, с. 28; 21], теряет смысловую нагрузку применения данной меры пресечения.

Именно поэтому у правоприменителя возникает обоснованный вопрос о конкуренции условий применения данных мер пресечения, что находит свое отражение в низких показателях применения меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Так, запрет на выход за пределы жилого помещения в период с 8 ч до 18 ч и с 20 ч до 8 ч в сутки, установленный в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий, фактически может быть идентичен условиям пребывания лица под домашним арестом.

Об этом же в своей работе рассуждают Н.Н. Загвоздкин и С.А. Кузора, отмечая «отсутствие ясности в назначении меры пресечения в виде запрета определенных действий и ее отличий от возможностей домашнего ареста» [22, с. 84].

Подобная идентичность вызывает не только вопрос о целесообразности закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве двух сходных по содержанию мер пресечения, но и сомнения в корректности положений ч. 10 ст. 109 УПК РФ, предусматривающей зачет времени применения запрета определенных действий в срок содержания под стражей из расчета два дня применения запрета, связанного с выходом за пределы жилого помещения в определенные периоды, за один день содержания под стражей, тогда как время пребывания под домашним арестом засчитывается как один к одному дню.

Такая конкуренция условий содержания подозреваемого или обвиняемого при применении запрета определенных действий или домашнего ареста вносит путаницу для правоприменителя и не добавляет желания создавать практику применения новой меры пресечения. Так, Е.В. Ларкина, проанализировав материалы о применении новой меры пресечения, пришла к выводу, что в подавляющем большинстве случаев инициатива применения запрета определенных действий исходит не от следователя или прокурора, а от суда — при отказе в избрании более строгой меры пресечения [23, с. 137].

Несмотря на подобную казуистику, полагаем, что система альтернативных заключению под стражу мер пресечения еще находится на начальной стадии своего развития, законодательного становления и широкого практического применения, а имеющаяся конкуренция между указанными видами мер пресечения со временем будет разрешена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. — 2016. — № 4. — С. 117–131.
2. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения / И.В. Головинская // Современное право. — 2016. — № 3. — С. 90–96.
3. Квык А.В. Критерий невозможности применения более мягкой меры пресечения при избрании заключения под стражу: теоретический и практические аспекты / А.В. Квык // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 180–183.
4. Конин В.В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда / В.В. Конин // Адвокат. — 2010. — № 12. — С. 23–30.
5. Junger-Tas J. Alternative sanctions: myth and reality / J. Junger-Tas // European Journal on Criminal Policy and Research. — 1994. — Vol. 2, iss. 1. — P. 44–66.
6. Dabney D. American Bail and the Tinting of Criminal Justice / D. Dabney, J. Page, V. Topalli // The Howard Journal of Crime and Justice. — 2017. — Vol. 56, iss. 4. — URL: https://www.researchgate.net/profile/Dean_Dabney/publication/318792962_American_Bail_and_the_Tinting_of_Criminal_Justice/links/59ece4340f7e9bfdeb71a908/American-Bail-and-the-Tinting-of-Criminal-Justice.pdf.
7. Radulović D. Alternative criminal sanctions in the criminal legislation of Montenegro / D. Radulović // Facta Universitatis. Series: Law and Politics. — 2017. — Vol. 15, № 1. — P. 13–23.
8. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — Москва : Статут, 2016. — 1276 с.
9. Stevenson M. Bail Reform: New Directions for Pretrial Detention and Release / M. Stevenson, S.G. Mayson // Penn Law: Legal Scholarship Repository. — URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://scholar.google.com/&httpsredir=1&article=2747&context=faculty_scholarship.

10. Квык А.В. О современных возможностях повышения эффективности применения меры пресечения в виде домашнего ареста / А.В. Квык // Российский следователь. — 2017. — № 16. — С. 16–18.
11. Gupta A. The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization / A. Gupta, C. Hansman, E. French // The Journal of Legal Studies. — 2016. — Vol. 45, № 2. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=2774453.
12. Давлетов А.А. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? / А.А. Давлетов, Н.Н. Азаренок // Российская юстиция. — 2018. — № 9. — С. 58–60.
13. Плоткина Ю.Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Б. Плоткина. — Москва, 2010. — 23 с.
14. Головкин Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business / Л.В. Головкин // Закон. — 2015. — № 8. — С. 32–45.
15. Зайцев А.О. Реализация международно-правовых стандартов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе / А.О. Зайцев // Российский следователь. — 2016. — № 3. — С. 24–27.
16. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Ю. Ахминова. — Санкт-Петербург, 2017. — 181 с.
17. Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу / И.С. Федотов // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 26–29.
18. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения / Д.А. Воронов // Российский судья. — 2016. — № 3. — С. 21–25.
19. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / А.С. Александров // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 82–89.
20. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения / А.В. Квык // Уголовный процесс. — 2018. — № 7. — С. 34–39.
21. Шамсутдинова Р.З. Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста / Р.З. Шамсутдинова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2013. — № 2. — С. 199–202.
22. Загвоздкин Н.Н. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузоро // Закон и право. — 2018. — № 12. — С. 84–86.
23. Ларкина Е.В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения / Е.В. Ларкина // Lex Russica. — 2019. — № 4. — С. 129–138.

REFERENCES

1. Barabash A.S. The grounds for imposing detention, house arrest or bail and their proving. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 4, pp. 117–131. (In Russian).
2. Golovinskaya I.V. Institute of Preventive Measures: Problems of Diversification and Decision Options. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2016, no. 3, pp. 90–96. (In Russian).
3. Kvyk A.V. A Criterion for the Impossibility of Applying a Softer Measure of Restraint in the Court's Choice of Detention: Theoretical and Practical Aspects. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3, pp. 180–183. (In Russian).
4. Konin V.V. Election and Extending of Term in the Russian Criminal Legal Proceedings and Standards of the European Court of Human Rights. *Advokat = Lawyer*, 2010, no. 12, pp. 23–30. (In Russian).
5. Junger-Tas J. Alternative sanctions: myth and reality. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 1994, vol. 2, iss.1, pp. 44–66.
6. Dabney D., Page J., Topalli V. American Bail and the Tinting of Criminal Justice. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2017, vol. 56, iss. 4. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Dean_Dabney/publication/318792962_American_Bail_and_the_Tinting_of_Criminal_Justice/links/59ece4340f7e9bfdeb71a908/American-Bail-and-the-Tinting-of-Criminal-Justice.pdf.
7. Radulović D. Alternative criminal sanctions in the criminal legislation of Montenegro. *Facta Universitatis. Series: Law and Politics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 13–23.
8. Golovko L.V. (ed.). *Kurs ugovnogo protsessa* [A Course in Criminal Process]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
9. Stevenson M., Mayson S.G. Bail Reform: New Directions for Pretrial Detention and Release. *Penn Law: Legal Scholarship Repository*. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://scholar.google.com/&httpsredir=1&article=2747&context=faculty_scholarship.
10. Kvyk A.V. On Contemporary Possibilities of Increasing Efficiency of Pre-Trial Restriction in Form of Home Arrest. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 16, pp. 16–18. (In Russian).
11. Gupta A., Hansman C., French E. The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization. *Journal of Legal Studies*, 2016, vol. 45, no. 2. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=2774453.
12. Davletov A.A., Azarenok N.V. A Change in the Practice of Remand in Custody as a Preventive Measure? *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2018, no. 9, pp. 58–60. (In Russian).
13. Plotkina Yu.B. *Primenenie mer presecheniya, izbiraemykh po resheniyu suda v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Enforcement of restriction measures applied by the court at the stage of preliminary investigation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 23 p.
14. Golovko L.V. Two Alternative Directions of Criminal Policy in Cases on Economic and Financial Crimes: Crime Control and Doing Business. *Zakon = Law*, 2015, no. 8, pp. 32–45. (In Russian).
15. Zaytsev A.O. Implementation of International Legal Standards when Taking into Custody in Russian Criminal Procedure. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 3, pp. 24–27. (In Russian).

16. Akhminova Yu.Yu. *Domashnii arest kak mera presecheniya: problemy izbraniya i realizatsii na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. Kand. Diss.* [House arrest as a preventive measure: problems of use and enforcement at the stage of preliminary investigation. Cand. Diss.]. Saint-Petersburg, 2017. 181 p.

17. Fedotov I.S. House Arrest and Prohibition of Certain Actions as an Alternative to Detention. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 3, pp. 26–29. (In Russian).

18. Voronov D.A. Interdiction of Certain Actions within the Framework of Pledge, House Arrest and New Pre-trial Restraint. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2016, no. 3, pp. 21–25. (In Russian).

19. Alexandrov A.S. House Arrest as a Preventive Measure in the Criminal Process. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2012, no. 2, pp. 82–89. (In Russian).

20. Kvyk A.V. Prohibition of Certain Actions: What is Need to Know about the New Measure of Restraint. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2018, no. 7, pp. 34–39. (In Russian).

21. Shamsutdinova R.Z. Procedural Peculiarities of Application of Restraint in the Form of House arrest. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 199–202. (In Russian).

22. Zagvozdkin N.N., Kuzora S.A. Prohibition of Certain Actions. Analysis of Enforcement Practices. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2018, no. 12, pp. 84–86. (In Russian).

23. Larkina E.V. Prohibition of Certain Acts and Stipulated Prohibitions in Combination with Bail and House Arrest: First Six Months of Instrumentation. *Lex Russica*, 2019, no. 4, pp. 129–138. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бертовский Лев Владимирович — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: bgl1980@yandex.ru.

Квык Александр Валерьевич — преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Открытого юридического института, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: skwik@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bertovskij, Lev V. — Professor, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, People's Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: bgl1980@yandex.ru.

Kvyk, Aleksandr V. — Lecturer, Chair of Criminal Law Disciplines, Public Law Institute, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: skwik@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бертовский Л.В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития / Л.В. Бертовский, А.В. Квык. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 242–255.

FOR CITATION

Bertovskij L.V., Kvyk A.V. A new system of preventive measures alternative to remand in custody: first results of application, development prospects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 242–255. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255. (In Russian).